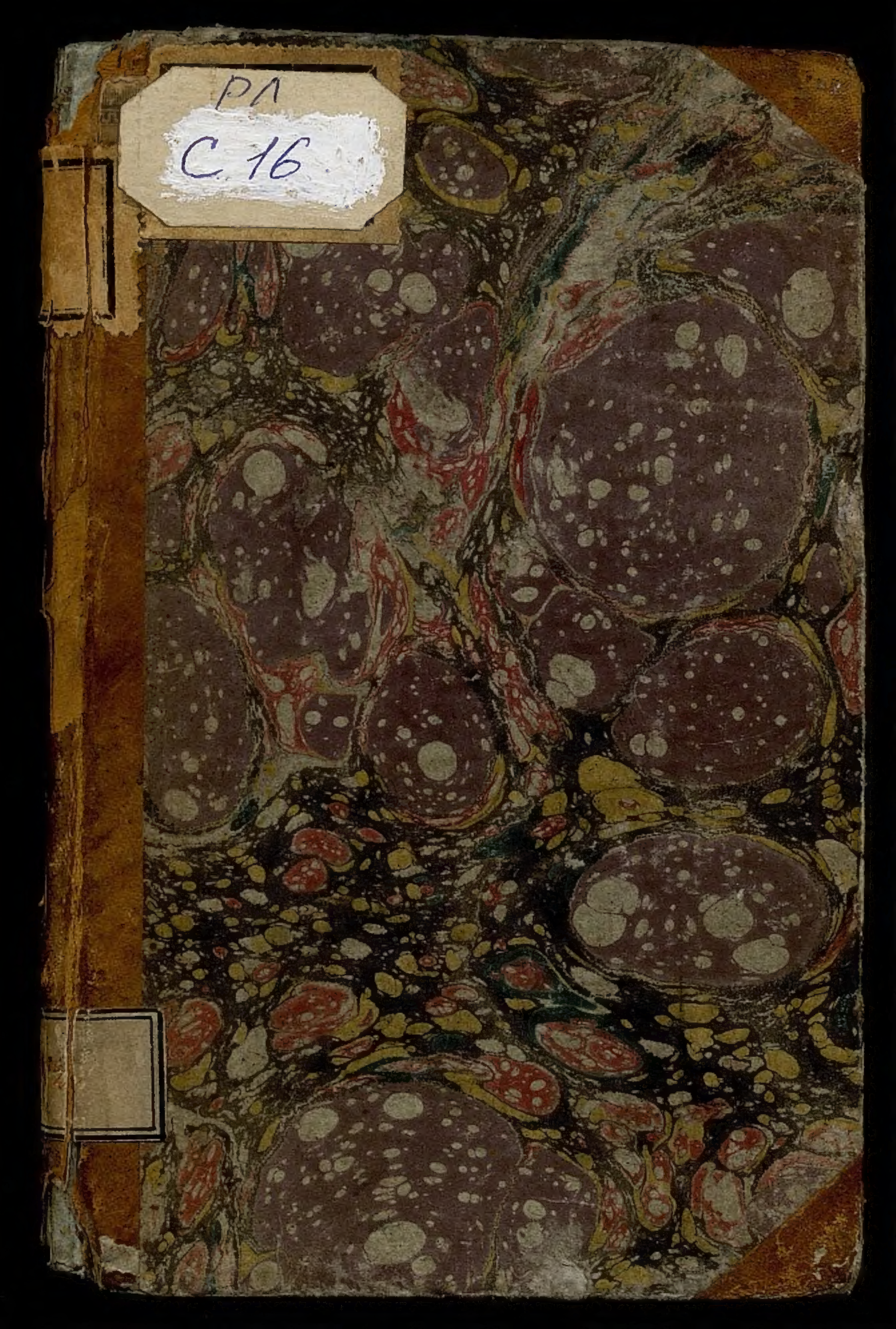

PA
C 16

ИЗОБРАЖЕНІЕ

НЫНѢШНИХЪ НРАВОВЪ

И

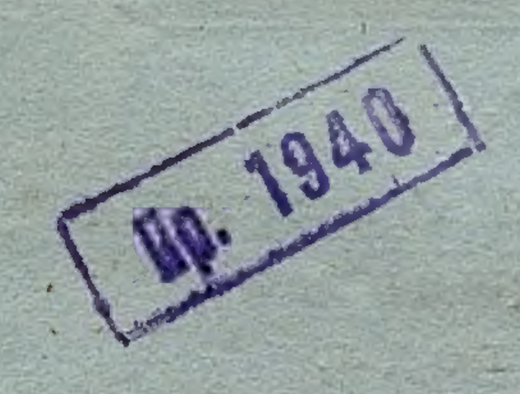
НЫНѢШНЯГО ВОСПИТАНІЯ.

МОСКВА.
Въ Губернской Типографіи
у А. Рѣшетникова,
1816 года.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы понапечатанiи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенiя; два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библiотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академiи Наукъ, Марта 15 дня, 1815 года. По назначенiю Ценсурнаго Комитета, при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, книгу сiю разсматривалъ Ординарный Профессоръ

Никифоръ Черепановъ.

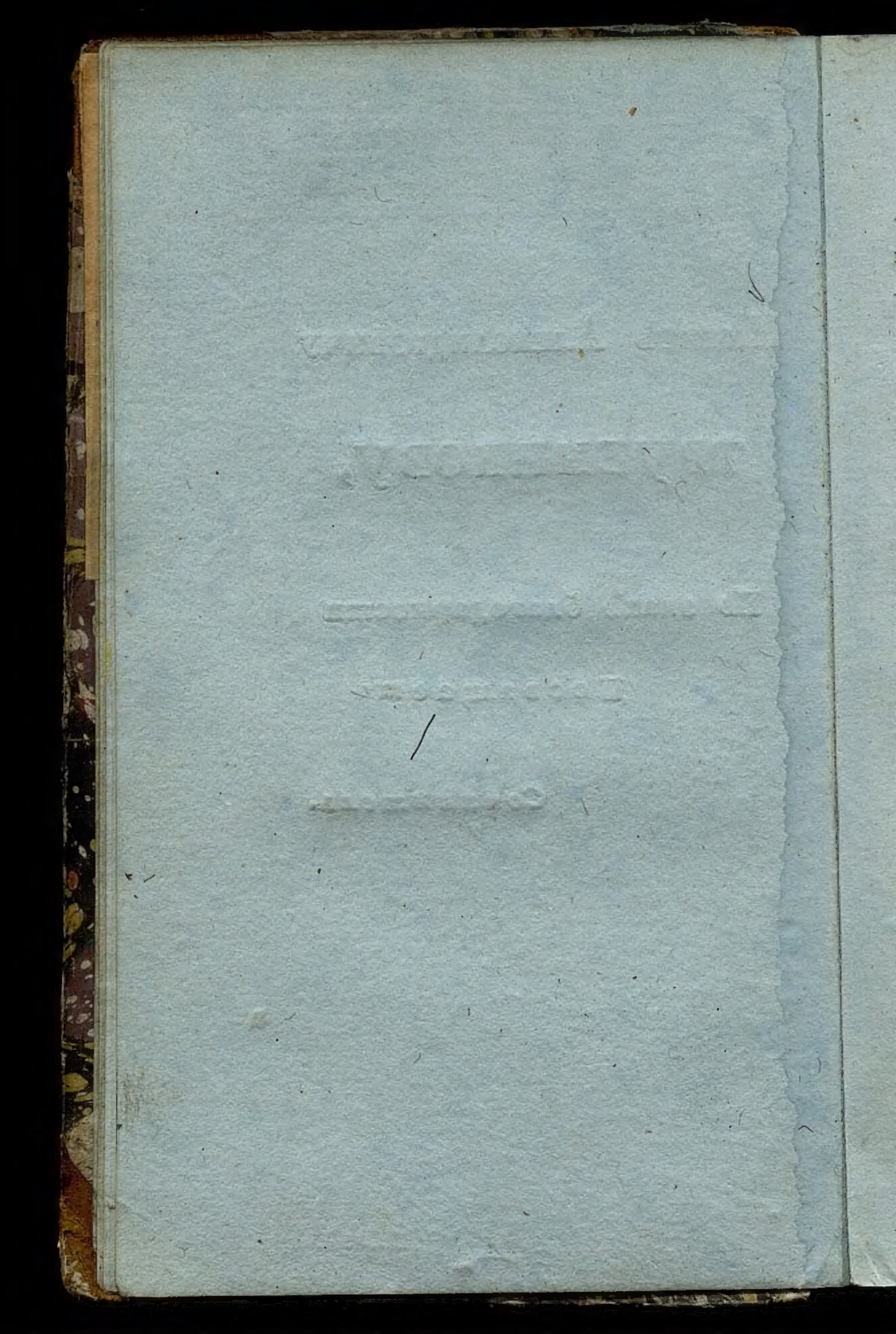
Никитѣ Александровичу

ТРУБНИКОВУ,

Въ знакъ благодарности

Посвящаетъ

Сочинитель.

ИЗОБРАЖЕНІЕ
НЫНѢШНИХЪ НРАВОВЪ
И
нынѣшняго воспитанія.

Многимъ кажется удивительно то зло, которое произошло отъ пристрастія къ иностранцамъ; но разсмотря внимательнѣе сіе пристрастіе, надобно еще болѣе удивлятся тому, что оно не произвело гораздо большаго зла!

Иностранцы, подобно голодной саранчѣ налетѣли на Сѣверъ и поѣдали въ Россіи *промышленность* и *богатства народныя*, *воспитаніе*, *здоровье*, *Религію* и *Законы!* — а Россіяне? оставались спокойными зрителями и даже сами способ-

ствовали истребленію своихъ сокровищь! — Прежде нежели стану говорить я о произведенномъ вліяніи иностранцевъ, мнѣ хочется знать: какую довѣренность мы должны имѣть къ бѣглецамъ, оставляющимъ свое отечество и до какой степени она простирается? — Я бы желалъ слышать на сіи вопросы отвѣтъ полурусскихъ тунеядцевъ, которые не могутъ обойтись безъ Графа или Маркиза изъ шайки *Санкюлотовъ*; или другаго бродяги, который на Парижскихъ улицахъ очищалъ у проходящихъ пылъ съ сапоговъ — и у котораго теперь *ихъ Превосходительства*, *ихъ Сіятельства*, *и прочіе*, *и прочіе*, ходятъ на помочахъ, и поставляютъ отличною честію судить *ихъ* умомъ, видѣть *ихъ*

глазами, имѣть *ихъ* обхожденіе, *ихъ* мозгъ, *ихъ* пороки! . . . .

Повѣрить ли потомство сему вредному повѣтрію, которое между нами разсѣяно? — Когда въ такое короткое время *многіе* Русскіе, могли преобразить *безчисленное множество* Французскихъ торговокъ въ Баронии, портныхъ въ Бароны, а содержателей трактировъ и бѣглыхъ солдатъ въ ученые воспитатели; то чего мы должны ожидать, естьли сія заразительная болѣзнь еще продлится? Не уже ли Русскіе не могли вообразить, что тѣ, которые для своихъ личныхъ выгодъ оставляютъ отечество, могутъ быть истинно преданы той странѣ, въ которую корысть привлекаетъ ихъ? Не будучи привержены къ своему отечеству, могутъ ли они

любить наше? — Захотять ли они жить въ климатѣ, къ которому не получили привычки, удалится отъ своихъ друзей и родственниковъ, имѣя отличныя дарованія, кои бы открыли имъ и въ самомъ ихъ отечествѣ путь къ преимуществамъ и славѣ? — может быть станутъ отговариваться *обстоятельствами*: но какія обстоятельства кромѣ *преступленій* могутъ принудить Гражданина оставить свое отечество? — Можетъ быть скажутъ, что *Революція* заставили ихъ искать убѣжища у другихъ народовъ, и навсегда отказаться отъ родины своей: но развѣ не преступленіе смотрѣть на опасность, отечесту грозящую, и не отвращать ее, боясь, чтобы она насъ не постигла? — отечество клонится къ погибели —

а сынъ отечества будетъ оставатся въ бездѣйствіи, или измѣннически удалится отъ него! . . . Когда всѣ граждане раздѣляются на части — Нерѣшимость есть преступленіе! избери сторону правую, хотя слабѣйшую: честная смерть не покроетъ стыдомъ праха нашего! опасность можетъ устрашить робкихъ — но не можетъ для нихъ служить извиненіемъ! —

И такъ дикіе должны служить образцомъ просвѣщеннымъ народамъ: Лапландцы, удаленные отъ родины своей, непереносятъ печали; ни ласки, ни веселости, ни стараніе угождать имъ — ничто не можетъ для нихъ замѣнить пріятности хладныхъ и туманныхъ странъ, въ которыхъ они родились! посмотрите на Исландца: и страшная Гекла,

разливающая вокругъ себя ужасъ и опустошеніе, не можетъ удалить его! послушайте Абенаковъ, говорящихъ о своемъ отечествѣ: ,, Мы родились на сей землѣ; отцы наши погребены въ ней; можемъ ,,ли мы сказать костямъ отцевъ нашихъ: встаньте и подите съ нами въ землю чуждую! — " Но просвѣщенные самозванцы захотятъ ли принять образцомъ себѣ дикарей? — Они внемлютъ одному только собственному внушенію своему! у нихъ нѣтъ отечества: Отечество ихъ тамъ, гдѣ удовлетворяется корысть ихъ! и сія самая корысть привлекла ихъ и въ Россію.

Естьли бы какой нибудь житель Тибета или Бухаріи, знающій Географію, прибылъ въ Москву и принятъ былъ въ от-

борномъ обществѣ нашемъ: какими бы невѣждами показались тогда ему прежніе его наставники! ,,Какъ! онъ бы сказалъ; ,,Москва какъ увѣряли меня, на- ,,ходится въ Россіи, и отсто- ,,итъ далеко отъ Франціи — а ,,я уже во Франціи по среди Рос- ,,сіи! — Во Франціи посреди ,,Москвы! — Вездѣ Французскіе нравы, Французскій языкъ, Французское обхожденіе! нѣтъ ни одного Русскаго, выключая великаго множества *Ренегатовъ*, которыхъ не льзя узнать ни по характеру, ни по нравамъ, ни по вѣрѣ!" — и въ самомъ дѣлѣ ета Французская саранча поѣдала въ Россіи всѣ сокровища: и языкъ и характеръ, и вѣру! — оставляя намъ *роскошь* въ наслѣдство, останавливала народную *промышленность* и замедляла успѣхи об-

разованности ; а управляя *воспитаніемъ* нашимъ , она *ввела пагубное ученіе* своихъ умствователей. —

Разсматривая *промышленность* въ отношеніи государственнаго блага, мы видимъ, что она почти всегда идетъ на ровнѣ съ народнымъ образованіемъ: чѣмъ болѣе она распространится , тѣмъ болѣе государство будетъ просвѣщено , и тѣмъ болѣе уменшится бѣдность ; съ успѣхами промышленности увеличатся успѣхи необходимыхъ знаній ; торговля процвѣтетъ на сушѣ и на моряхъ ; важныя прибытки послужатъ побудительною причиною къ искорененію праздности , къ усиленію дѣятельности — и слѣдственно къ большимъ пріобрѣтеніямъ , къ большему просвѣщенію и благосо-

стоянію! какая же можетъ быть надежда къ полученію сей необозримой пользы, естьли важнѣйшая часть промышленности народной находится въ рукахъ Иностранцевъ? есть ли Иностранцы произведенія наши употребляютъ вмѣсто своихъ собственныхъ? естьли даже самые Россіяне своими произведеніями не иначе хотятъ пользоваться, какъ подъ видомъ иностранныхъ произведеній? — конечно по введенному нынѣ обыкновенію, или говоря другими словами, по нынѣшней роскоши, произведенія другихъ народовъ сдѣлались не обходимыми — но должно ли употреблять вообще всѣ ихъ произведенія и по ихъ изяществу не обращать вниманія и даже не вѣрить изяществу своихъ собственныхъ? *промышленность держится по-*

ощреніемъ: какихъ же успѣховъ мы должны надѣятся, когда наши торговцы, должны товары свои называть иностранными, чтобы продать ихъ съ выгодою, ибо *Русское* и *худое* для многихъ людей значитъ одно и тоже?

Конечно у Иностранцевъ находится много такихъ товаровъ, которыхъ не льзя найти у Русскихъ, и почему же некупить ихъ естьли нужда того требуетъ, (хотя унасъ теперь и роскошь является подъ видомъ нужды), но что должно сказать о иностранныхъ заведеніяхъ, основанныхъ единственно для роскоши, и для удовлетворенія постыдныхъ страстей? — съ одной стороны можно почитать ихъ хорошимъ средствомъ, выманивать деньги у вѣтренниковъ и расточите-

лей, ибо гораздо полезнѣе деньгамъ переходить къ такимъ людямъ, которые умѣютъ лучше ими пользоваться; жаль только, что сіи деньги не переходятъ въ руки продавцовъ Русскихъ; ибо тогда перемѣнили бы они только владѣльцовъ, не перемѣняя Государства, и слѣдственно не дѣлая его бѣднѣе; а теперь надобно спросить: сколько Русскаго добра во Франціи? — —

Вообразите какого нибудь Французскаго трактирщика, который сдѣлавши себѣ въ Россіи порядочное состояніе, возвратился во Францію; съ нимъ встрѣчается старинной его землякъ; онъ упрекаетъ его за обманы и заразныя хитрости, которыми онъ ослѣплялъ Русскихъ и нажилъ богатство низкимъ образомъ. „ Другъ мой!

скажетъ онъ ему въ отвѣтъ; *счастіе* всякой человѣкъ имѣетъ въ предметѣ: Вельможа и простолюдинъ, доброй и злой; не всякой только употребляетъ одни и тѣже способы, чтобы достичъ его. Есть люди, которые въ числѣ сихъ способовъ поставляютъ свои знанія, добродѣтели, дѣятельность; но много ли такихъ людей? — прочіе выбираютъ другую дорогу гораздо удобнѣйшую: происки, ласкательство, униженіе, обманы, и другія *легкія средства*. — Я нелюблю считаться между *отличными людьми*, чтобы не обратить на себя особеннаго вниманія, зависти или клеветы; но счастіе мнѣ очень нравится, а притомъ же я великой другъ спокойствія, и вотъ почему я выбралъ самую легкую и удобную дорогу. Къ

тому же чѣмъ я виноватъ, что Руские ввѣряясь нашей власти позволяютъ себя обманывать? — и не долженъ ли я былъ обманывать ихъ, любя до чрезмѣрности богатство, и душевно желая приобрѣсти его? Богатство составляетъ главный предметъ всѣхъ нашихъ товарищей, отправляющихся въ Россiю! *Россiя для насъ все:* Индiя, Перу, Бразилiя, всѣ вмѣстѣ не могутъ столько обогатить какъ она! — Повѣришь ли, насъ доста человѣкъ отправилось на одномъ кораблѣ, а теперь каждый изъ насъ можетъ имѣть по собственному кораблю, мы поѣхали изъ Голландiи: насъ нагрузили съ прочими товарами которые всѣ состояли изъ *помады. притиранiя* и *париковъ*; сами же мы раздѣлились на учителей и на

дворянъ, т: е: Графовъ, Князей, Маркизовъ, Бароновъ, Кавалеровъ и Виконтовъ! первые, *случилось такъ*, всѣ были *клейменые*; въ послѣднемъ же розрядѣ были и изъ другаго званія, къ числу которыхъ и я принадлежалъ. Приставши къ Петербургу, насъ первыхъ выгрузили на биржу, и — какое удивленіе! какой восторгъ! — представь себѣ: прежде нежели мы сошли съ корабля, страшная толпа народа на перерывъ спрашивала у корабельщиковъ: нѣтъ ли Маркизовъ? Нѣтъ ли учителей? нѣтъ ли Актеровъ? — Лишь только мы стали на берегъ, то безчисленное множество обступило насъ: жали руки, обнимали — и чрезъ десять минутъ, мы всѣ были при должности!... Другъ мой я не могу вспомнить безъ радости

объ етой минутѣ! — Во все время нашего пребыванія мы получали всеобщее уваженіе: у большихъ вельможъ мы нѣсколько унижали свою породу — и они радуясь, что были лучшаго происхожденіе, нежели бѣглые солдаты Французскіе, осыпали насъ ласками, давали отличный столъ, прекрасную услугу и деньги, чтобы показать свою знатность и богатство! — у другихъ дворянъ мы не такъ поступали: мы родъ свой выводили отъ самаго Адама, а часто еще и прежде предковъ своихъ дѣлали Герцогами, Королями и Султанами — — и здѣсь то посмотрѣлъ бы ты на почтеніе! у насъ были въ запасѣ и другія средства: мы женамъ доставляли способы приставлять рога старымъ мужьямъ; а мужьямъ способство-

вали приставлять рога женамъ — и такимъ образомъ всѣ были довольны нами! всѣ намъ услуживали! всѣ награждали насъ! мы облиты были золотомъ! "землякъ его не дастъ больше говорить, онъ бросится къ нему на шею и будетъ повторять внѣ себя отъ радости: поѣдемъ въ Россію! поѣдемъ скорѣе! будемъ учителями, Графами, Маркизами! будетъ чѣмъ тебѣ угодно — только скорѣе въ Россію.

И въ Россію столько прибыло Французовъ, что почти во всякомъ большомъ домѣ считали за безчестіе не имѣть ихъ? какое же добро мы отъ нихъ получили? Не говоря о томъ, что государство *напрасно ихъ питало*, и что *они большую часть богатствъ нашихъ съ собою вывозили*, сверьхъ того они

причинили важнѣйшее зло: *мы получили роскошь, получивъ ихъ обычаи, и потеряли нравственность, потерявши чрезъ ихъ ученіе благодѣтельныя мнѣнія предковъ своихъ* — хочетъ ли непріятель побѣдить какую нибудь область, которая сильнѣе его: изведи изъ нее нравственность, а вмѣсто нее введи роскошь — и сія область будетъ побѣждена! — Гдѣ нѣтъ нравственности, — тамъ не можетъ быть ни какихъ чувствъ любви къ отечеству, правоты, честности и согласія; гдѣ есть роскошь тамъ слабѣютъ душевныя и тѣлесныя силы; порядокъ не можетъ существовать, ибо онъ покажется тогда обременительнымъ игомъ; повиновеніе исчезнетъ, ибо люди зараженные роскошью, постараются свергнуть послѣднюю

преграду, препятствующую непозволеннымъ ихъ наслажденіямъ; съ новыми наслажденіями появятся новыя нужды; нужды потребуютъ удовлетворенія; способы удовлетворять ихъ ежедневно будутъ истощатся — и государственный корабль, обуреваемый волнами, будетъ колебаться до тѣхъ поръ, пока послѣдній валъ морской погрузитъ его въ ту бездну, въ которой отъ роскоши погибло столько народовъ! —

Роскошь ввела у насъ въ обыкновеніе расточать богатства на прихоти; какъ жаль, что не войдетъ въ моду расточать ихъ на благотворенія. Но гдѣ найти чувствительныхъ людей, поставляющихъ въ добродѣтели свою отраду? — А сколько такихъ, которыхъ все удовольствіе заключается въ хорошей одеждѣ; ибо естьли

они сами по себѣ ничего не стоятъ, покрайней мѣрѣ хотятъ что нибудь стоить по своему наряду; и въ удовлетвореніи своимъ прихотямъ; ибо у людей, отдѣланныхъ на Французской фабрикѣ, и великость достоинства цѣнится по великости разврата, и почтеніе тѣмъ болѣе увеличивается, чѣмъ болѣе лишаются на него права! — Имѣніе не нажитое своими трудами не дорого для нынѣшнихъ расточителей, которые для того и стараются скорѣе получить наслѣдство, чтобы скорѣе истребить его; какая имъ нужда до родственниковъ и до дѣтей: могутъ ли дѣти и родственники стоить огромнаго дома, вкуснаго стола, прекрасной . . . . ?

Видите ли ету низкую фигуру, которая едва движется

отъ истощенныхъ силъ своихъ? ето князь, любитель всего рѣдкаго и прекраснаго. — Домъ его строится на ста саженяхъ въ четыре етажа! день и ночь трудятся около него болѣе тысячи работниковъ! матеріалы привозятся изъ отдаленныхъ странъ также безчисленнымъ множествомъ народа; и для чегоже? — для того, чтобы сказали: етотъ домъ конченъ въ два мѣсяца! — Чтобы подвластныхъ своихъ отнять отъ другой полезнѣйшей работы, или напрасно разсыпать деньги наемникамъ! чтобы всѣ говорили о *домѣ его* и молчали *о немъ самомъ*; и наконецъ чтобы войти въ четвертой етажъ, и выглянувъ въ окно сказать проходящимъ: *какъ я высокъ! меня никто не достанетъ!* — а между тѣмъ онъ забываетъ,

что будучи *низкимъ*, онъ кажется еще *ниже* въ большомъ своемъ домѣ!...

Сія охота терять свои богатства на строеніе, въ нѣкоторыхъ бываетъ совершенною страстію. И какая же цѣль ихъ? *Чтобы показать свое богатство и знатность?* но знатность ихъ отъ большаго дома ни мало не увеличится, также какъ отъ малаго не уменьшится; а о богатствѣ будутъ говорить, что оно потеряно. *Чтобы удивить?* но удивляясь дому, болѣе удивляться будутъ безумію владѣльца его, который представляетъ себя такимъ великаномъ, что для его помѣщенія мало четырехъ етажнаго дома, когда и Наполеону послѣдній саженный домъ не будетъ тѣсенъ? — Все судится по употребленію и цѣнится по поль-

зѣ — слѣдовательно и удивленіе наше опредѣлится пользою же; пышность можетъ изумить на короткое время; очарованіе скоро пройдетъ — и мы смотря на обширное зданіе, будемъ искать *его назначенія.* Пирамиды Египетскія изумляютъ насъ; но они въ тоже время напоминаютъ намъ расточеніе великихъ богатствъ, изнуреніе, слезы и гибель безчисленнаго множества невинныхъ жертвъ! и для чего же были они опредѣлены? — Чтобы стоять надъ прахомъ царей, которыхъ честолюбіе и пышность, и по смерти еще хочетъ жить въ своихъ памятникахъ! —

Цицеронъ весьма укоряетъ Римлянъ *занимающихъ высокія мѣста въ государствѣ* за пристрастіе ихъ къ великолѣпнымъ

зданіямъ: „ примѣръ ихъ, говоритъ онъ, скоро дѣлается пагубнымъ и заразительнымъ; всякой будетъ употреблять силы свои не только сравнится, но даже превзойти великолѣпіемъ другаго." Въ древніе времена Римской республики мы видимъ совершенную противоположность, относительно сей не умѣренности: тогда шестнадцать близкихъ родственниковъ Еліевы семейства жили въ одной маленькой городской хижинѣ и въ другой деревенской, съ женами своими и дѣтьми, и совершенное согласіе царствовало между ними. Нынѣ отъ *чрезмѣрной утонченности* не слѣдуютъ сему варварскому обычаю; не только цѣлыми семействами не живутъ въ одномъ домѣ, но даже супруги имѣютъ два дома, или покрай-

шей мѣрѣ два крыльца, боясь другъ съ другомъ непріятной встрѣчи! Какъ же хотѣть, чтобъ знатный баринъ заключилъ себя въ посредственномъ жилищѣ? гдѣ поместится толпа акшеровъ и акшрисъ? Гдѣ помѣстятся танцмейстеры, музыканты, пѣвчіе и другіе скоморохи? гдѣ помѣстится харемъ его, которому должно дать екипажи, лакеевъ, прислугу, и для прислуги еще особую прислугу? —

Что должно сказать о модной одеждѣ, которую надобно перемѣнять съ каждымъ мѣсяцомъ, и слѣдовательно каждый мѣсяцъ по пустому терять достатокъ свой? о многочисленной прислугѣ, о великолѣпныхъ екипажахъ, о богатой ливреи? Что должно сказать отѣхъ столахъ,

въ которыхъ чѣмъ болѣе бываетъ роскоши, тѣмъ болѣе опасности здоровью; чѣмъ болѣе великолѣпія, тѣмъ болѣе скуки и принужденія? — Тогда какъ на столѣ вельможи поставлены двантцати блюдъ для притупленія вкуса, для произведенія болѣзней — тогда, можетъ быть не двантцать подвластныхъ его умираютъ съ голода, жертвуя ненасытной его роскоши послѣднимъ кускомъ хлѣба, который стоилъ имъ пота, слезъ и даже крови! О Суворовъ! Естьли бы ты явился теперь въ старинномъ мундирѣ своемъ, въ которомъ часовые не впускали тебя во дворецъ Римскаго Императора; или въ то время, когда ты довольствовался простыми сухарями, сидя въ кругу своихъ воиновъ, или когда ты покоился на соломѣ —

и сказалъ бы намъ : *научитесь умѣренности.*

Обращаясь ко временамъ предковъ нашихъ, нельзя не пожалѣть о томъ, что мы имъ совершенно ни въ чемъ не подражаемъ; ето не значитъ что мы должны отростить бороды, носить длинные кафтаны и также мало заниматься науками; но мы должны для своего блага хранить *ихъ чувства*, которыя питали они къ отечеству и къ вѣрѣ, и слѣдовать ихъ честности, ихъ правотѣ, ихъ примѣрной *умѣренности*, которая предохраняя отъ роскоши и гибельнаго честолюбія, одна можетъ доставить государству прочное благосостояніе. Роскошь естьли бы она и всегда осталась въ одной степени, то и тогда изнуритъ государство и рано или поздно приближитъ его къ упадку;

но роскошь не можетъ оставатся въ одномъ положеніи; она дѣлаясь обыкновеніемъ должна безпрестанно увеличиваться, естьли не противопоставятъ ей никакой преграды. Малѣйшее злоупотребленіе, вкравшееся въ государство, какое бы неимѣло оно прочное основаніе, можетъ приближить его къ гибели: и вода упадая каплями на дикой камень со временемъ пробиваетъ его! чтожъ сказать о роскоши, гораздо значительномъ злоупотребленіи, съ которымъ соединилось обыкновеніе *поврять воспитаніе юношества иностранцамъ*?

Сіе слѣпое пристрастіе есть совершенная пагуба! состояніе невѣжества производитъ весьма худыя слѣдствія; но гораздо лучше оставить юношу въ семъ невѣжествѣ, нежели поручить

надзору нѣкоторыхъ француз-скихъ воспитателей; какая же причина, что оказываютъ имъ такое предпочтеніе? за что даютъ имъ двойную плату противъ Русскихъ воспитателей? Лучшели они образуютъ сердце правилами нравственности, а умъ полезными свѣдѣніями? къ стыду нашему должно признаться, что Французскія заведенія воспитательныя, предпочитаются Русскимъ единственно потому, что въ нихъ лучше и скорѣе научаются говорить по Французски! одинъ только Французской языкъ составляетъ важнѣйшее знаніе и занятіе! по одному только сему языку судятъ о достоинствѣ молодаго человѣка! — нѣжныя матушки со вставленными зубами и милые дѣдушки, хотя у милыхъ не перечтешь

морщинъ на лбу и на лицѣ, не будутъ спрашивать своихъ дѣтокъ и внучковъ хорошо ли образовано ихъ сердце: прелестныя куколки ихъ говорятъ по Французски — и чегожъ болѣе станутъ отъ нихъ требовать? —

Воспитаніе есть такой важной предметъ, на которой законодатели всѣхъ народовъ обращали особенное вниманіе. Всякое государство поддерживается хорошимъ воспитаніемъ; оно опредѣляетъ характеръ и добрыя наклонности; цѣль его — есть образованіе юношей относительно *любви къ отечеству, здоровья, нравственности и знаній*. Должно сдѣлать его *хорошимъ сыномъ отечества*, чтобы онъ могъ заплатить ему за всѣ его попеченія, и чтобы съ пользою отправлялъ

возложенныя на него обязанности; должно укрѣпить его *здоровье*, чтобы онъ не былъ въ тягость самому себѣ, своимъ ближнимъ, своимъ родственникамъ, и чтобы лучше могъ познавать цѣну жизни; должно образовать его *умъ и сердце*, чтобы онъ наслаждаясь собственнымъ счастіемъ, могъ способствовать счастію общественному. Разсмотримъ теперь могутъ ли иностранцы выполнить предметъ воспитанія въ сихъ трехъ отношеніяхъ. —

Требуется образовать Русскаго для Россіи: И ктожь можетъ лучше исполнить сію важную обязанность какъ не Русской? — — Можетъ ли иностранецъ хорошо образовать иностранца? одинакіе ли онъ получилъ законы? одно ли у него съ нами вѣроисповѣданіе? одни ли

нравы и обычаи? не смотря на то мы вв҃ѣряемъ дѣтей своихъ иностранцамъ, и даже съ великою заботливостію выискиваемъ ихъ предпочтительно Русскимъ! всѣ Французы, которые у насъ жили до вторженія своихъ просвѣщенныхъ собраній, имѣли мѣста и получили большую плату, а многіе и теперь получаютъ, а сколько Русскихъ учителей безъ мѣста, хотя ихъ знанія гораздо обширнѣе и хотя они берутъ противъ нихъ меньшую цѣну? — *Но они Русскіе! они не хорошо говорятъ по Французски! они берутъ дешево — и слѣдственно не годятся!...* повѣряя воспитаніе иностранцамъ, мы, такъ сказать, платимъ имъ большія деньги за то, чтобъ они истребляли въ насъ привязанность *къ Россіи*, *къ Рус-*

скимъ нравамъ! къ Русской правдѣ! къ Русскому Богу!

У всѣхъ народовъ воспитаніе зависѣло отъ соотечественниковъ: Греки воспитывали Грековъ, а Римлянъ Римляне, и отъ того то оба народа *любовь къ отечеству* ставили выше всякаго другаго чувства. Какихъ же намъ ожидать плодовъ отъ иностраннаго воспитанія? всякой честной человѣкъ долженъ любить свое отечество болѣе другаго государства: Слѣдственно и самый честный Французъ, хотя бы онъ жилъ въ Китаѣ или въ Россіи, но Францію долженъ болѣе любить нежели Россію; онъ долженъ возвышать свое отечество болѣе нежели наше, къ своему онъ во всѣхъ долженъ внушать особенную любовь и привязанность, и стараться выполнить обязанности,

кои на него возложены его законнымъ правительствомъ: и послѣ етого какой же мы хотимъ отъ него вѣрности и пользы? я говорю о честномъ Французѣ, а сколь такихъ въ Россіи?....

Всякая страна сильна *народнымъ духомъ*: съ нимъ она не должна бояться порабощенія. Французъ можетъ очень легко юношѣ Россійскому внушить духъ Французскаго народа; но можетъ ли онъ ему внушить характеръ руской, національной, утвержденный десятью вѣками, который не измѣнился ни порабощеніемъ, ни владычествомъ? — Но какая намъ до инаго нужда? Французъ научитъ хорошо говорить по Французски, хорошо надо всѣмъ насмѣхаться — а противъ сихъ единственныхъ достоинствъ благовоспитаннаго человѣка всякое

роптаніе должно умолкнуть! предки наши старались быть истинными Россіянами, чтобы увеличить славу своего отечества; но мы теперь держимся другаго правила: чтобы возвысить Россію, мы напередъ хотимъ быть — истинными Французами!

Требуется образовать здоровье юноши. Здоровье зависитъ отъ различныхъ причинъ, которыхъ не льзя совершенно изчислить; по крайней мѣрѣ къ главнымъ относится пища, климатъ и образъ жизни. По различію климата, разнится человѣческое сложеніе, по различію сложеній должна разнится и пища. Холодный климатъ укрѣпляетъ сложеніе сѣверныхъ обитателей, и они должны употреблять такую пищу, которая бы не ослабляла сей крпѣости.

Пища не только у всѣхъ, но даже у многихъ народовъ не можетъ быть одинакая: Индѣецъ естьли хочетъ быть здоровымъ долженъ пользоватся своею, Русской также своею, потому что природа по различію климатовъ, дѣлая различіе въ сложеніяхъ, доставляетъ и различныя произведенія, каждому климату свойственныя: весьма много болѣзней, а можетъ быть и рановременная смерть зависитъ отъ несоблюденія сего *естественнаго правила*; къ сожалѣнію, въ нашемъ отечествѣ, самое сіе несоблюденіе сдѣлалось *опредѣленнымъ правиломъ*! Не знаю, чтобы теперь сказали о вельможѣ, который бы сталъ довольствоватся одными русскими кушаньями? Французская пища, введенная модою у

нась въ обыкновеніе, также часто какъ и Французской языкъ опредѣляетъ преимущество Французскихъ воспитательныхъ заведеній, гдѣ нѣжные барскіе сынки, воспитываются на нѣжномъ супѣ и на нѣжной кашицѣ! — кто будетъ утверждать, что Французская пища дурна: Но она хороша для Француза, а не для Рускаго. Она нѣжна, а Русская груба: но грубая Русская пища, будучи сообразна съ климатомъ нашимъ, можетъ укрѣпить сложеніе; на противъ того нѣжная Французская ослабитъ его; а слабое сложеніе будетъ неудобно къ перенесенію всѣхъ суровостей сѣвера. Родитесь во Франціи и живите въ ней, и пользуйтесь всѣми Французскими произведеніями; но когда вы родились въ Россіи, когда

вы жить въ ней намѣрены — то для чего вы хотите въ иностранныхъ яствахъ искать для себя болѣзней?

Здоровье опредѣлить можно слѣдствіемъ равновѣсія пищи и трудовъ, силъ физическихъ и нравственныхъ; но можетъ ли сему способствовать нынѣшній модный *образъ жизни*? Поселянинъ мало питается и много работаетъ, и вотъ отъ чего онъ здоровъ; напротивъ того городской житель пресыщается и не дѣйствуетъ! — Естьли къ сему прибавить привычку предаваться не обузданности страстей, ослабляющей роскоши, зараженному воздуху города и собраній, и обыкновеніе перемѣнять ночь въ день, а день въ ночь — — то должно удивляться, что мы еще не столько нездоровы, сколько бы ожидать сего должно

было — и можетъ быть въ етомъ обязаны мы климату нашему!

Требуется образовать умъ и сердце. Для образованія ума нужны *науки и искусства*; для образованія сердца — *Религія, нравственность и примѣры.* Проходя исторію древнихъ народовъ, мы удивляемся чрезвычайнымъ ихъ успѣхамъ въ поезіи, Витійствѣ и другихъ наукахъ, въ которыхъ мы не можемъ съ ними сравниться. Отъ чего же ето происходитъ? не говоря о другихъ причинахъ, здѣсь можно упомянуть *о способѣ ученія.* Принявши въ образецъ Грековъ, мы видимъ, что ихъ существенное образованіе заключалось *въ отечественномъ языкѣ*; у нихъ не было обыкновенія учиться иностраннымъ языкамъ, и слѣдственно оставалось болѣе времени для необходимыхъ знаній. — У насъ выходитъ со

всѣмъ на противъ: *знаніе иностранныхъ языковъ сдѣлалось главнымъ предметомъ ученія.* Чтобы хорошо знать словесность, должно хорошо знать древніе языки, а для древнихъ языковъ должно употребить большую часть жизни; чтожъ мнѣ сказать о Французскомъ языкѣ — единственномъ предметѣ нынѣшняго воспитанія? онъ, такъ сказать, поглощаетъ всѣ прочіе предметы! — смѣшно бы опровергать было, что онъ безполезенъ: надобно разумѣть его, чтобы разумѣть знаменитыхъ писателей Французскихъ, пользоваться ихъ образцовыми произведеніями, ихъ открытіями въ разныхъ наукахъ; но что заставляетъ насъ посвящать большую часть времени говорить имъ какъ на своемъ природномъ языкѣ тогда, какъ сіе время могло бы посвящено быть дру-

тимъ полезнѣйшимъ частямъ ученія? — Естьли намъ говорить *съ иностранцами*? — То почему же мы должны говорить языкомъ всѣхъ пріѣзжающихъ къ намъ бродягъ Французскихъ, а не они нашимъ? Ахъ! естьли уже не польза, то хотя бы гордость народная образумило избранное общество наше! — *случится путешествовать*? — Но изъ тысячи одинъ будетъ путешествовать; къ тому же и тогда почему должны мы учиться предпочтительно Французскому, а не Англійскому, не Нѣмецкому? — но мы со временемъ должны *вступить въ свѣтъ*, быть въ кругу *отборнаго общества* — говорить съ Русскими! — противъ сего нѣтъ возраженій! въ наше время одни только Камчадалы говорятъ другъ съ другомъ на своемъ при-

родномъ языкѣ : въ отборномъ
Русскомъ обществѣ , чтобы по-
нимать другъ друга , надобно
имѣть языкъ *Французовъ* ! . . . .
какъ бы теперь странно было
показаться въ свѣтѣ съ однимъ
отечественнымъ языкомъ : ето
невѣжда , сказалъ бы сѣдой мла-
денецъ ? — Ето мѣщанинъ , ска-
зала бы набожная богомолка ,
которая румянами старается
закрыть свои пятьдесятъ лѣтъ!
ето дикой ! ето Алеутецъ! про-
возгласили бы другіе фигуры ,
носящіе только названіе чело-
вѣка ! . . . Къ сожалѣнію те-
перь всѣ забываютъ , что *пока
языкъ отечественный не будетъ
усовершенствованъ, по тѣхъ поръ
государство не будетъ просвѣ-
щено.*

Въ иностранныхъ заведеніяхъ
нѣтъ опредѣленнаго времени для
ученія основательнаго , пото-

му что все время посвящено тѣмъ занятіямъ, которыя въ модѣ, ибо безъ того иностранецъ — воспитатель потерялъ бы довѣренность, и не успѣлъ бы въ единственномъ своемъ намѣреніи — *обогатится.* — Ежели воспитанникъ прыгаетъ лучше козла, болтаетъ не хуже сороки — — то кругъ воспитанія кончанъ! —

Почти одинакая участь бываетъ и съ *нравственностію*; потому что иностранцамъ - воспитателямъ нуженъ одинъ только блескъ, чтобы ослѣпить глупыхъ и легкомысленныхъ людей. Къ совершенному несчастію они сей блескъ часто увеличиваютъ Философическими мнѣніями своихъ писателей, поколебавшими Религію, которая восемь вѣковъ составляла не сокрушимый оплотъ го-

сударства нашего. Съ нею воспламенилась въ подданныхъ любовь къ отечеству; съ нею Русскіе переносили терпѣливо иго рабства и великодушно пользовались побѣдами; она приносила имъ при самой смерти отраду и счастіе, и они умирая произносили еще: *за вѣру!* въ чьихъ устахъ мы слышимъ теперь священное выраженіе предковъ нашихъ: *Великъ русской Богъ!* — иностранное воспитаніе все сокрушило! —

Посмотрите на юношу, который совершилъ кругъ своего нравственнаго и ученаго воспитанія между иностранцами: онъ скоро начинаетъ чувствовать обременительную тягость самыхъ священныхъ обязанностей; онъ получаетъ отвращеніе отъ всего отечественнаго; *Вѣра* ему представляется однимъ только

заблужденіемъ или изобрѣтеніемъ политики; *любовь къ отечеству* онъ считаетъ мечтою: для него низко принадлежать особенному обществу людей, онъ хочетъ, чтобы весь родъ человѣческой признавалъ его своимъ гражданиномъ! безумный! и ты вѣру осмѣлиѳаешься назвать заблужденіемъ, когда она составляетъ счастіе милліоновъ людей? не она ли удерживаетъ руку убійцы, которая бы тебя могла тайно поразить, не страшась наказанія законовъ? не она ли услаждаетъ печали твои, страданія, даже минуту смерти твоей? не она ли тебѣ дѣлаетъ весь родъ человѣческой братьями и друзьями? *нѣтъ вѣры*, говоришь ты, *должно поклоняться одному разуму, одинъ разумъ долженъ быть всему закономъ*: но по-

чему разумъ одного долженъ имѣть исключительное право быть закономъ предъ разумомъ другаго? почему я долженъ слѣдовать твоему мнѣнію, а не ты моему? ты увѣренъ въ своемъ мнѣніи? я также увѣренъ въ своемъ; изъ насъ каждый слѣдуетъ своему разуму, но мы противорѣчимъ другъ другу — слѣдственно одинъ изъ насъ долженъ обманываться: ктожъ откроетъ сіе заблуждедежденіе? — одна только вѣра! умъ не можетъ открыть его; ибо столько же находится разности въ умахъ, сколько въ людяхъ; естьли каждый человѣкъ будетъ слѣдовать своему собственному разуму и поставлять его закономъ — то весь міръ обратится въ хаосъ! — ты почитаешь *любовь къ отечеству* мечтою: не уже ли ты не долженъ быть

ему благодарнымъ за всѣ его попеченія? не уже ли ты хочешь, чтобы оно все для тебя дѣлало, того какъ ты для него ничего дѣлать не будешь? не имѣетъ ли оно неоспоримаго права на твои добродѣтели, таланты и дѣйствія, которыя въ тебѣ образованы имъ? развѣ ты ему не обязанъ ни чѣмъ за свое собственное сохраненіе, за сохраненіе родителей, друзей, собственности, всего, что мило твоему сердцу? посмотри на Термопилы Леонидовы, на Курціеву пропасть, на темницу россійскаго Гермогена — и скажи послѣ того мечтали любовь къ отечеству? — —

Для совершеннаго образованія молодаго человѣка, воспитаніе приводится къ концу,

а часто и начало свое получаетъ въ чужихъ краяхъ: довольно сего, чтобы понять, какую тогда молодой человѣкъ долженъ имѣть любовь къ своей вѣрѣ и къ отечеству! — для образованія сердца его, большею частію отпускаютъ съ нимъ наставника — иностранца: етаго также довольно, чтобы понять, какова должна быть его нравственность; словомъ сказать, онъ ѣдетъ въ чужіе краи человѣкомъ, а часто возвращается — животнымъ! . . .

Смотря на русскихъ живущихъ въ Парижѣ, и на Французовъ, живущихъ въ Москвѣ, не льзя не удивляться совершенной между ними противоположности: русскіе обыкновенно большихъ фамилій ѣздятъ во Францію; Французы большею

частію пріѣзжаютъ къ намъ изъ бродягъ. Первые проживаютъ въ Парижѣ свои богатства; вторые наживаютъ ихъ въ Москвѣ. Одни оставаясь во Франціи, занимаютъ отъ французовъ характеръ, безвѣріе и равнодушіе къ отечеству; другіе оставаясь въ Россіи, истребляютъ въ Русскихъ характеръ національной, и привязанность къ вѣрѣ и къ отечеству. Русскіе ѣздятъ учиться; Французы пріѣзжаютъ учить. Одни ѣздятъ для того, чтобы позволять себя обманывать; другіе пріѣзжаютъ обманывать! —

Такимъ образомъ юноша образованный иностранцами, усовершенствованный путешествіемъ въ чужіе краи, долженъ наконецъ вступить *въ храмъ Свѣта.* Сей храмъ стоитъ на дорогѣ

жизни и всякой проходя сей путь непремѣнно должень войти въ него. *Снаружи* онъ освѣщенъ привлекательнымъ блескомъ, при коемъ видна надпись *на четырехъ основаніяхъ*, поддерживающихъ предверіе сего храма: *Любовь*, *Дружба*, *Истина*, *Добродѣтель*; но вышедъ въ послѣдніе врата, гдѣ *наружный блескъ* не имѣетъ уже болѣе силы, сія надпись представляется въ другомъ видѣ: вмѣсто *Добродѣтели* виденъ *Порокъ*, вмѣсто Истины — Ложъ; вмѣсто Дружбы — Корысть, вмѣсто Любви — Сладострастіе. Въ сей храмъ стекаются жители всего свѣта, различные нравами, языкомъ, характеромъ. Всѣ они стараются найти въ немъ *Счастіе*, о которомъ давно идетъ молва, что оно скрылось въ семъ храмѣ; рѣдкіе путешественники получаютъ проница-

тельное зрѣніе, которое бы въ молодости открыло имъ, что Счастіе никогда въ немъ не обитало; по ту сторону храма видны только *старики, несчастные* и *обманутые*, которые раскаиваются, что напрасно приносили въ жертву богамъ свое богатство, свое здоровье, свои чувствованія, свою честь. Во храмѣ нѣтъ ни родственниковъ, ни истинныхъ друзей: они не вступаютъ въ него; естьли же имъ случится войти туда вмѣстѣ съ толпою другаго народа, то родственники дѣлаются другъ другу чужими, а друзья непріятелями. У сихъ путешественниковъ невинность слыветъ простотою, а доброта глупостью; честнымъ почитается тотъ, который не дѣлаетъ безчестнаго, добрымъ — кто не дѣлаетъ зла.

Старики думаютъ, что они молоды, а молодые, что они стары: сѣдой старикъ остается и въ семьдесятъ лѣтъ ребенкомъ для дурачествъ; а двадцатилѣтній мальчикъ почитаетъ себя довольно старымъ, думая, что онъ можетъ не внимать совѣтамъ людей опытныхъ. Многорѣчіе и болтливость служатъ доказательствами ума: кто скроменъ тотъ глупъ. Пріятное обхожденіе познается по искусству пріятно льстить; остроуміе — по искусству умно насмѣхаться и умно злословить. Что бы показать свое воспитаніе надобно блистать умомъ, нужды нѣтъ хотя на счетъ вѣры, отечества, родства и дружбы. Что бы внушить къ себѣ почтеніе, нужны деньги: почтеніе увеличивается по мѣрѣ богат-

ства: за деньги покупается уваженіе, любовь и дружба! наконецъ, чтобъ отличиться въ семъ храмѣ болѣе другихъ — надобно имѣть длинный рядъ предковъ: умъ и сердце не нужны. Обыкновенныя занятія сихъ людей состоятъ въ искусствѣ обманывать и остерегаться обмана, хвалить добро — и не дѣлать его! главное божество сего храма, обожаемое всѣми путешественниками есть *Непостоянство*. Могущество его велико: оно имѣетъ власть поступать съ человѣкомъ, какъ Сизифъ съ камнемъ: лишь только взброситъ его довершины горы — то онъ стремглавъ назадъ слетаетъ. Сіе божество сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ, и держитъ въ рукахъ своихъ *почести*, *мнѣнія*, *фортуну*, *награды*, *умы и серд-*

ца. Подлѣ него одною степенью ниже стоитъ другое божество *обманчивая Наружность*: во власть его дано представлять вещи совсѣмъ въ противномъ видѣ, нежели въ какомъ въ самомъ дѣлѣ существуютъ. По сторонамъ стоятъ другіе боги, окруженные безчисленнымъ множествомъ жертвоприносителей: *Тщеславіе*, въ видѣ *познанія* собственныхъ своихъ достоинствъ; *Зависть* въ видѣ *соревнованія*, стремящагося къ совершенству, *Происки* въ видѣ *стараній* открыть истину, *Мщеніе* въ видѣ *удовлетворенія* справедливости. Поклонники сихъ боговъ безчисленны: старикъ и юноша; мужеской и женской полъ; повелитель и подвластный — всѣ благоговѣютъ предъ ними. *Любовники*, *друзья*, *родственники*, *жре-*

кы и судьи — избраны исполнителями ихъ власти.

Вотъ изображеніе самое точное, самое вѣрное нынѣшняго свѣта! — въ него то вступаетъ юноша, обязанный посвятить себя на службу отечеству. Когда свѣтское волненіе часто колеблетъ людей самыхъ твердыхъ въ своихъ правилахъ; можно ли ожидать отъ воспитанника Французовъ, что онъ превозможетъ сіе волненіе? онъ подобно легкому челноку будетъ стремиться по направленію вѣтровъ, которые могутъ сокрушить его: какую надежду будетъ имѣть въ немъ отечество? — можетъ ли онъ быть *истининнымъ воиномъ*, *истиннымъ судіею*, *истиннымъ отцомъ и супругомъ? онъ не будетъ хорошимъ защитникомъ*

противЪ враговЪ, потому что роскошь и воспитаніе иностранное ослабили въ немъ здоровье и силы; повиновеніе и порядокъ сдѣлали ему тягостными; истребили въ немъ національный характеръ и почтеніе къ вѣрѣ и отечеству, которое можетъ одно только воспламенить воина и сдѣлать его Героемъ. *ОнЪ не будетЪ хорошимЪ судіею*, потому что иностранное воспитаніе сдѣлавши его иностранцемъ по языку и по сердцу, не дастъ ему никакого понятія ни о нравахъ отечественныхъ, ни о правахъ его, ни о законахъ; потому что роскошь обращенная въ привычку, уменьшая безпрестанно достатокъ, заставитъ его изыскивать низкія средства къ удовольствованію прихотей своихъ, не уважая ни чести, ни

справедливости. *Онъ не будетъ ни хорошимъ отцомъ, ни хорошимъ супругомъ*, ибо званіе отца и супруга сопряжено съ важными обязанностями, а для него малѣйшая обязанность бываетъ тягостію. Будетъ ли ему время любить супругу и стараться о воспитаніи дѣтей? онъ всегда занятъ — хотя ничего не дѣлаетъ! ему не достаетъ времени, хотя онъ имъ не пользуется! всѣ часы его разпредѣлены: въ полдень начинается его утро; къ сумерькамъ оканчивается одѣванье, прическа, смотрѣніе въ зеркало, притиранье и прысканье духами! въ пятомъ часу онъ отправляется на обѣдъ, послѣ стола ѣдетъ въ театръ; послѣ театра на балъ; съ осьми часовъ утра наступаетъ его время успокоенія! — Вотъ день

его! вотъ важнѣйшее его время провожденіе! — онъ не живетъ ни для себя, ни для супруги, ни для дѣтей своихъ: онъ живетъ для однѣхъ только обыкновеній общества, естьли его жизнь можно назвать жизнію!

И какія же сего общества занятія? — обманы и злословіе! — посмотрите какъ жеманная кокетка, путешествуя съ одной софы на другую, расказываетъ всѣмъ кто слушаетъ и не слушаетъ ее, что одинъ золъ, другая своенравна, третья не обходительна, хотя она не только сего не замѣтила, но даже и не знаетъ тѣхъ особъ, о которыхъ говоритъ. Вы будете при ней худо отзываться о злословіи, а она станетъ безъ умолку доказывать его пользу:

„не развеселяетъ ли насъ злословіе, скажетъ она вамъ? не лучшее ли средство разсказывая о другихъ заставить о себѣ забыть? занявшись чужими глупостями, мы забываемъ свои собственныя! говоря худо о другихъ мы всѣхъ заставляемъ бояться сего худа; *но естьли кого поносятъ напрасно?* — Что нужды? пройдетъ молва, что его оклеветали — а отъ етаго онъ болѣе возвысится!" — Послѣ сего должно противъ воли замолчать! — что естьли въ подобное общество покажется человѣкъ почтенный по лѣтамъ, по заслугамъ и по честности, который не одѣтъ по модѣ, не кланяется по модѣ, не дѣлаетъ Французскихъ привѣтствій: онъ будетъ осмѣянъ; его почтутъ невѣждою и глупцомъ!

столько то цѣнится модное обращеніе! — Естьли у человѣка нѣтъ хорошаго екипажа, хорошаго платья, богатой ливреи въ немъ нѣтъ и достоинства! къ нему нѣтъ и почтенія! — сдѣлайте нарядную куклу, и вы увидите въ какомъ она будетъ уваженіи! . . . къ несчастію всѣ забываютъ, что подобные истуканы, которые пользуются отличнымъ о себѣ мнѣніемъ по одной наружности — похожи на дождевой пузырь, который чѣмъ болѣе раздуется, тѣмъ скорѣе лопнетъ! . .

Вотъ описаніе занятій, пользы и добродѣтелей общества, управляемаго духомъ нынѣшней непостоянной моды! вотъ отличныя выгоды нашего пристрастія къ иностранцамъ! и что

же насъ побуждаетъ терять свою пользу? не ужели пустому, пагубному блеску должно жертвовать: вѣрою, отечествомъ, дружбою, любовью?... смотря на протекшее время (покрайней мѣрѣ желательно его назвать протекшимъ), безумія многихъ соотечественниковъ нашихъ, кто не пожелаетъ, чтобы родители старались воспитывать своихъ дѣтей въ отечественныхъ нравахъ? — Чтобы вельможи старались собственнымъ примѣромъ подать примѣръ другимъ гражданамъ, что *одна только умѣренность, любовь къ Богу, къ отечеству и къ ближнимъ, доставить можетъ благо продолжительное!* —

Сличая два народа Русскихъ

и Китайцевъ, мы находимъ совершенную между ними противоположность, относительно ихъ понятія объ иностранцахъ: первые питаютъ къ нимъ чрезмѣрное пристрастіе, вторые чрезмѣрное отвращеніе. Такія крайности въ обоихъ случаяхъ не хороши; однакожъ естьли должно слѣдовать изъ нихъ какой нибудь одной — то гораздо выгоднѣе держаться мнѣнія Китайцевъ: презирая иностранное, мы болѣе привержены бываемъ къ отечественному, слѣдственно и любовь къ отечеству становится отъ того тверже! конечно сіе презрѣніе замедляетъ успѣхи просвѣщенія; но еще надобно знать, бываютъ ли продолжительны быстрые успѣхи? — что медленнѣе пріобрѣтается —

то долѣе остается! — Римляне были славны, хотя и почитали варварами другихъ народовъ; но Римъ упалъ когда побѣжденные народы сдѣлались его гражданами и ввели свою роскошь и свои нравы! — оставя крайности, можно съ пользою держатся средины: не нужно и не льзя пресѣчь сообщеніе съ иностранцами; но можно и должно пресѣчь ихъ распространеніе въ отечествѣ нашемъ. Гораздо выгоднѣе путешествовать къ иностранцамъ, нежели къ себѣ ихъ выписывать; сообщеніе, (не говоря о политическихъ связяхъ), для того съ ними нужно, чтобы мы могли подражать ихъ полезнымъ учрежденіямъ и открытіямъ: въ всемъ подражать вредно, но избирать предметы подражанія необходимо нужно

для частнаго и общаго благосостоянія. Главное стараніе должно употребить на то, чтобы незанять ихъ нравовъ; всѣ государства для сохраненія бытія своего и величія должны сохранить свой національной характеръ и отеческіе нравы. Привязанность къ старинѣ не произведетъ зла: она укрѣпитъ любовь къ отечеству, къ вѣрѣ и къ законамъ; отъ нее зависитъ твердость привычекъ и постоянство характера; какая нужда, что Китайцы по презрѣнію къ другимъ народамъ, отстали отъ нихъ въ наукахъ: но они существуютъ четыре тысячи лѣтъ! — можетъ быть пройдетъ и еще не одна тысяча, и

Китайцы все будутъ существовать, тогда какъ имя нѣкоторыхъ народовъ останется въ одной только исторіи!

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Строк.	*Напечатано*	*Читай.*
	21	Отечесту	отечеству.
8. —	7.	ши	,,ши
11. —	6.	Иностранцевъ	иностранцевъ
	7.	Иностранцы	аностранцы.
12. —	2.	наши торгов. цы.	русчіе
	8.	Иностранцевъ	иностранцевъ
	15.	нужды),	нужды);
	23.	Вѣтренни- ковъ	вѣтрениковъ
	15.	ли ;	ли :
		доста	до ста
	19.	раблю ,	раблю.
		мы	Мы
	21.	товарами	Товарами ,
	22.	помады.	помады ,
17. —	7.	происхожденіе	происхожде- нія.
	18.	и прежде	и прежде ;
20. —	4.	появя тся	появятся.
		нужды ,	нужды ;
	14.	пынѣшнихъ	нынѣшнихъ
24. —	8.	Египетскія	египетскія.
25. —	23.	домѣ ,	домѣ ;
26. —	6.	помеспится	помѣстится
	11.	гаремъ	Гаремъ

Напечатано.		Читай.
Стр. строк.		
39. — 4.	предпочітеніе	предпочіте-ніе
7.	Лучше	лучше
8.	собраній	собратій
9.	получили	получали
14.	Слѣдственно	слѣдственно
21.	наше ,	наше ;
11.	рускаго	Русскаго.
12.	Русская	русская.
12.	ВеликЪ	великЪ
47. — 13.	заблуждежде-ніе	заблужде-ніе.

